

якорь спасенія, какъ плотину отъ надвигающагося народнаго потока. Церковь поспѣшила санкціонировать его, чтобъ спасти свою ладью, готовую погибнуть въ волнахъ этого могучаго потока. Наконецъ, народъ согласился принять его, видя въ немъ нѣкоторую гарантію отъ произвола и жестокостей прошлаго.

Надо перенестись въ XVIII вѣкъ, чтобъ понять отношеніе народа къ закону. Надо проникнуться всѣми ужасами и жестокостями, которые творились въ ту эпоху всемогущими аристократами, ихъ издѣвательствомъ и надругательствомъ надъ простымъ народомъ, чтобъ понять магическое вліяніе на простолюдина словъ „равенство передъ закономъ, подчиненіе закону, безъ различія происхожденія и состоянія». Съ простолюдиномъ обращались до сихъ поръ хуже, чѣмъ со скотомъ; онъ не могъ добиться суда или защиты и, доведенный до изступленія возмутительными поступками аристократа, убивалъ его изъ мести, и платился за это головой. Законъ, въ теоріи по крайней мѣрѣ, признавалъ равенство аристократа и простолюдина въ ихъ личныхъ правахъ. Каковъ бы ни былъ этотъ законъ, онъ обѣщаль одинаково относиться къ аристократу и простолюдину, онъ провозглашалъ равенство передъ судомъ богатаго и бѣднаго. Мы знаемъ теперь, что это обѣщаніе было ложью, — но въ ту эпоху оно было шагомъ впередъ, нѣкоторой уступкой справедливости. Вотъ почему, когда буржуазія была въ опасности, ея спасители, Робеспьеры и Дантоны, основываясь на трудахъ философовъ буржуазіи, Руссо и Вольтеровъ, провозгласили „почитаніе закона равнаго для всѣхъ». Народъ, истощенный продолжительной и кровавой борьбой, видя передъ собой хорошо организованнаго противника, пошелъ на компромиссъ. Онъ подставилъ шею подъ ярмо Закона, чтобъ избаться отъ произвола случайныхъ господъ.

Буржуазія съ тѣхъ поръ усердно эксплуатируетъ этотъ принципъ. Законъ и представительное правительство вотъ все, что дала философія XIX вѣка — этого вѣка буржуазіи. Буржуазія проповѣдывала свою философію въ школахъ, создала свою науку, свое искусство; она всюду вводила законъ, какъ ханжа суетъ свои молитвы. Ея усердіе и энергія довели народъ до того, что въ моментъ пробужденія своего сознанія, стремясь къ свободѣ и уничтоженію всякой власти, онъ обращается къ своимъ правителямъ съ просьбой поддержать его преобразованиемъ законовъ, созданныхъ этими же самими правителями.

Но за послѣднее столѣтіе настроеніе умовъ сильно измѣнилось. Все чаще и чаще встрѣчаются люди, которые отказываются подчиняться Закону, если имъ не выяснятъ каково его происхожденіе, есть ли въ немъ необходимость, откуда взялось обязательство признавать его и подчиняться ему. Надвигающаяся революція — „Революція», а не простое возстаніе, уже потому что въ наши дни возставшіе подвергаютъ своей критикѣ всѣ основы современнаго общества и прежде всего тотъ фетишь, которому оно поклоняется, — Законъ.

Они анализируютъ происхожденіе закона и убѣждаются, что въ его основѣ лежатъ или богъ — это созданіе стихійнаго страха дикарей, — или кровавая побѣда, достигнутая огнемъ и мечемъ. Они изучаютъ характеръ закона и убѣждаются, что отличительная черта его — неподвижность, косность, а не эволюція, между тѣмъ какъ человѣчество развивается непрерывно. Они пытаются узнать, чѣмъ поддерживается законъ, и передъ ними предстаютъ ужасы византизма, жестокости инквизиціи, пытки среднихъ вѣковъ, цѣпи, палица, топоръ палача, темныя подземелья тюремъ, страданія, стоны, плачь и проклятія. Въ наши дни — все то же: топоръ, ружье, веревка и тюрьма. Съ одной стороны, заключенный, посаженный подобно дикому звѣрю въ желѣзную клѣтку, доведенный до полного упадка умственныхъ и нравственныхъ силъ, съ другой — судья, лишенный всякаго человѣческаго чувства, живущій въ мірѣ юридическихъ фикцій, посылающій людей на гильотину съ сладострастіемъ и холоднымъ спокойствіемъ сумасшедшаго, не сознающій даже, до какого паденія онъ дошелъ.

Передъ нами цѣлое племя законодателей, издающихъ законы, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что они дѣлаютъ, вотирующихъ законъ о санитарномъ состояніи городовъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о гигиенѣ, издающихъ приказы о вооруженіи войскъ, не зная ни одной системы ружей, обсуждающихъ реформы по народному образованію и воспитанію, не будучи въ состояніи дать порядочнаго воспитанія своимъ собственнымъ дѣтямъ. Но, издавая законы вкривь и вкосъ, они никогда не забываютъ придумать наказанія для голышей, точно и опредѣленно рѣшить вопросъ о тюремномъ заключеніи, ссылкѣ на каторгу и преслѣдованіи тѣхъ, которые не подчиняются ихъ требованіямъ. Передъ нами тюремщикъ, идущій вѣрными шагами къ потерѣ всякаго человѣческаго чувства, жандармъ, дрессированный не хуже гончей собаки, сыщикъ, любующійся своими дѣянiami, доносъ воз-